

УДК 398.22; ГРНТИ 17.71.91

<https://doi.org/10.47526/habarshy.vi1.392>Т.А. КОНЫРАТБАЙ¹, К. КОНЫРАТБАЙ^{2*}¹доктор филологических наук, профессор*Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави
(Казахстан, г. Туркестан), e-mail: tynysbekkongyratbay@gmail.com*²Казахский национальный педагогический университет имени Абая
(Казахстан, г. Алматы), e-mail: kalzhan2012@yandex.ru

МЫСЛИТЕЛИ ПРОШЛОГО О ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ СУЩНОСТИ ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

Статья посвящена анализу суждений мыслителей прошлого о формах художественного и исторического мышления. Эта проблема рассматривается в тесной связи с определением познавательной сущности героического эпоса. Фольклористика XX века, увлеченная художественно-поэтической структурой эпоса, мало занималась историко-этническими особенностями. Проблема упиралась в соотношение научных постулатов прежней исторической школы и методологических установок сравнительно-типологического метода в фольклористике.

К этой проблеме исследователи фольклора обращались и ранее. Однако изучение героического эпоса в рамках литературно-поэтического анализа к существенным результатам не привело. Почти полувековой период истории фольклористики характеризуется топтанием на одном уровне научного познания.

В статье отмечается, что героический эпос представляет собой эмпирический источник, откуда можно черпать весьма ценные сведения познавательного характера. Подвергаются аналитическому изучению мысли и суждения античных ученых-энциклопедистов о первичности материи и вторичности идеи. Определенное место отведено умозаключениям русских мыслителей XIX века, которые в один голос твердили о первичности материи. Анализу подвергнуты изыскания, в которых игнорируется исторический принцип исследования в фольклористике. На основе вышеизложенного подытоживается, что основная ценность героического эпоса заключается не только в художественно-поэтической системе, в историзме, но и в информативно-познавательной сущности.

Ключевые слова: материя, идея, базис, надстройка, фольклористика, героический эпос, теория познания, историзм, поэтика.

Т.Ә. Қоныратбай¹, Қ. Қоныратбай²¹филология ғылымдарының докторы, профессор*Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті
(Қазақстан, Түркістан қ.), e-mail: tynysbekkongyratbay@gmail.com*²Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
(Қазақстан, Алматы қ.), e-mail: kalzhan2012@yandex.ru

* Цитируйте нас правильно:

Коныратбай Т.А., Коныратбай К. Мыслители прошлого о познавательной сущности героического эпоса // *Ясауи университетінің хабаршысы*. – 2021. – №1 (119). – Б. 183–197. <https://doi.org/10.47526/habarshy.vi1.392>

*Cite us correctly:

Konyratbai T.A., Konyratbai K. Mysliteli proshlogo o poznavatelnoi syshnosti gerovicheskogo eposa [Thinkers of the Past on the Cognitive Essence of the Heroic Epic] // *Iasayı ınyversitetiniń habarshysy*. – 2021. – №1 (119). – B. 183–197. <https://doi.org/10.47526/habarshy.vi1.392>

Өткен дәуір ойшылдары қаһармандық эпостың танымдық табиғаты туралы

Мақала өткен заман ойшылдарының көркем және тарихи ойлау формаларына қатысты пікірлерін талдауға арналған. Бұл мәселе қаһармандық эпостың танымдық табиғатын анықтау ісімен тығыз байланыста қарастырылады. Эпостың көркемдік-поэтикалық жүйесін қуалап кеткен XX ғасырдағы фольклортану ғылымы оның тарихи-этникалық мәселелерімен аз айналысты. Мәселе фольклортану ғылымындағы тарихи мектеп пен салыстырмалы-типологиялық тәсіл ұстанымдарының арақатынасына барып тірелген еді.

Бұл мәселеге фольклор зерттеушілері бұрын да қалам тартқан. Алайда қаһармандық эпосты әдеби-поэтикалық талдау шеңберінде зерделеу ісі елеулі жетістіктерге әкеле қоймады. Жарты ғасырға жуық мерзімдегі фольклортану тарихы ғылыми танымның бір деңгейінде тұрақтап қалуымен ерекшеленді.

Мақалада қаһармандық эпос бойында көптеген танымдық мәліметтерді сақтаған эмпиристік материал ретінде бағаланып, антикалық дәуір ойшылдарының материя – алғашқы, идея – соңғы деген ойларына талдау жасалады. Онда XIX ғасырдағы орыс ойшылдарының бір ауыздан «материя – алғашқы» деген тұжырымдарына да елеулі орын берілген. Фольклортану ғылымындағы тарихи принципті ескере бермейтін еңбектерге де талдау жасалды. Осы негізде қаһармандық эпостың басты құндылығы тек қана көркемдік-поэтикалық немесе тарихилығында емес, танымдық-ақпараттық сипатында деген қорытынды жасалады.

Кілт сөздер: материя, идея, базис, қондырма, фольклортану, қаһармандық эпос, таным теориясы, тарихилық, поэтика.

T. Kongyratbay¹, K. Kongyratbay²

¹Doctor of Philological Sciences, Professor

*Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University
(Kazakhstan, Turkistan), e-mail: tynysbekkongyratbay@gmail.com*

*²Abay Kazakh National Pedagogical University
(Kazakhstan, Almaty), e-mail: kalzhan2012@yandex.ru*

Thinkers of the Past on the Cognitive Essence of the Heroic Epic

The article analyzes the opinions of thinkers of the past about the forms of artistic and historical thinking. This problem is considered in close connection with the definition of the cognitive essence of the heroic epic. Folklore studies of the twentieth century, fascinated by the artistic and poetic structure of the epic, did not deal much with historical and ethnic features. The problem rested on the correlation between the scientific postulates of the former historical school and the methodological guidelines of the comparative typological method in folklore studies.

Folklore researchers have addressed this problem before. However, the study of the heroic epic in the framework of literary and poetic analysis did not lead to significant results. Almost half a century of folklore history is characterized by trampling on the same level of scientific knowledge.

The article notes that the heroic epic is an empirical source from which you can draw very valuable information of a cognitive nature. It is subjected to an analytical study of the thoughts and judgments of ancient encyclopedic scientists about the primacy of matter and the secondary nature of ideas. A certain place is given to the conclusions of the Russian thinkers of the XIX century, who unanimously repeated the primacy of matter. The research that ignores the historical principle of research in folklore studies is subjected to an analytical review. Based on the above, it is concluded that the main value of the heroic epic is not only in the artistic and poetic system, in historicism, but also in the informative and cognitive essence.

Keywords: matter, idea, basis, superstructure, folklore, heroic epic, theory of knowledge, historicism, poetics.

Введение

Что представляет собой героический эпос? Какими особенностями выделяется этот жанр фольклора? В чем его ценность для нынешнего и будущего поколения? Можно ли раскрыть познавательную сущность эпоса? В чем конечная цель изучения этого жанра? Какие проблемы больше затрагивались при изучении героического эпоса?

В античную эпоху уходит корнями поиск ответов: что первично – материя или сознание? Базис или надстройка? Действительность или ее отражение в искусстве? История или поэзия?

Совокупность этих вопросов составляет сложную проблему теории познания. Чтобы ответить на них в рамках изучения проблемы, необходимо рассматривать эпос как познавательную категорию. Здесь нельзя ограничиться обыденным вопросом: можно ли познать героический эпос или нет? В данном случае должно быть изучено отношение историко-этнических сведений в эпосе к жизненным реалиям – научной истине. Суть этой познавательной проблемы можно прочесть в следующих строках: «Вопрос заключается в том, можно ли достоверно познать предметы, их сущности и проявления сущности. Это и есть подлинная философская проблема, не видеть которую не могли трезвомыслящие философы» [1, с. 17].

Разработкой познавательной сущности героического эпоса фольклористика XX века вплотную не занималась. С позиции теории познания это весьма сложная философская проблема. Несмотря на то, что в процессе изучения русских былин представители исторической школы, затем поэтического направления пытались нащупать границы между истиной и художественным вымыслом, последующие изыскания оказались менее эффективными. Эти два направления в большей степени развивались автономно, не соприкасаясь друг с другом. Что же касается познавательной сущности героического эпоса, то она лежит глубже проблемы взаимоотношения исторической правды и художественного вымысла. Основной для этого направления является более широкая проблема взаимоотношения науки и искусства, истории и поэзии, этнического процесса и эпической традиций.

Теоретические проблемы

При изучении героического эпоса в советской и постсоветской фольклористике не в полной мере учитывались многочисленные научные идеи античных ученых-энциклопедистов, которые имеют непосредственное отношение к познавательной сущности героического эпоса. Многие мыслители античности, средневековья и последующих эпох – Аристотель, Пиррон, Д. Юм, И. Кант, Г. Гегель, В. Белинский, Н. Чернышевский, А. Герцен, Н. Добролюбов и другие – оставили поистине оригинальные суждения относительно этого.

На рубеже XIX и XX веков проблема взаимоотношения историзма и поэтики в героическом эпосе стала объектом пристального изучения ученых, среди которых фигурируют имена и труды А.Н. Веселовского, А.А. Потебни, В.Я. Проппа, Б.Н. Путилова, Б.А. Рыбакова, С.Н. Азбелева, М.М. Плисецкого, Е.М. Мелетинского, Л.И. Емельянова и др. Все эти научные изыскания можно сгруппировать вокруг исторического и поэтического познавательного процесса.

Когда речь заходит об изучении генезиса героического эпоса, нужно сказать, что поэтическое направление с его сравнительно-типологическим (историко-типологическим) методом не смогло опровергнуть основные научные постулаты исторической школы XIX века. По этой причине до середины XX века между этими академическими направлениями часто возникали научные споры, которые не способствовали разрешению основной проблемы эпосоведения. Нельзя согласиться с утверждением, будто в начале 60-х гг. XX века эти направления пришли к компромиссу и нашли точки соприкосновения. Такого консенсуса не могло произойти по той простой причине, поскольку в их основе лежала основная проблема философии: что первично – материя или идея? Представители

поэтического направления, игнорируя историзм эпоса, продолжали заниматься изучением художественной сферы – мотивов, сюжетов и всевозможных типологических сходств. Затем отдельные ученые стали разрабатывать в фольклористике иные категории философии, такие как время и пространство. Несколько позднее появилась более интересная работа В.М. Гацака, посвященная развитию эпической традиций во времени.

Для фольклористики начала 1960-х гг. тезис В.Я. Проппа о том, что героический эпос возникает не по следам исторических событий, а представляет собой лишь думы и чаяния народа, сыграл положительную роль. Достаточно сказать, что после такой оценки были возвращены в научный обиход многочисленные эпические сказания народов СССР, которые были «репрессированы» в начале 1950-х гг.

В отдельных суждениях В.Я. Проппа, касающихся того, как, например, «эпос рисует идеальную действительность и идеальных героев» [2, с. 9–10], проглядывает идея Аристотеля о том, что искусство характеризует события, которые не имеют прямого отношения к исторической действительности, но могли произойти в реальной жизни [3, с. 14].

Если к этой проблеме подойти с позиции конечной цели поэзии, то можно обнаружить всю сложность этого противостояния. Например, если Еврипид утверждает, что поэзия рисует человека в его естественном облике [3, с. 129], то Софокл считал, что поэзия характеризует человека с позиции того, каким он должен быть. Эти проблемы составляют два звена философского познания: первое – антропологическое, второе – мораль [1, с. 7]. Несложно заметить, что суждения В.Я. Проппа и Б.Н. Путилова о том, что эпос рисует общие вопросы народной жизни [4, ХУІІІ], основаны на научных определениях Аристотеля: «поэзия говорит о более общем, история о единичном» [3, с. 15]. Однако авторы не учли, что античные мыслители в последующих работах возвращались к этому вопросу и углубили свои изначальные суждения. Возможно поэтому основной тезис Аристотеля «общее существует только в единичном, и познается через единичное» [3, с. 124] остался без внимания вышеуказанных корифеев советской фольклористики. Между тем именно этими словами Аристотель показал, что всякая наука опирается на историческое познание.

Известно, что не все представители античной науки придерживались этой позиции. Среди них было не мало агностиков, которые ограничивали возможности познания вселенного, многочисленных явлений природы. Проблема о первичности исторического и художественного познания мира составила ядро научных изысканий мыслителей новой эпохи. Известно, что Гегель, оценивший мысль как движение духа, ставил идею выше истины, искусство – выше жизненной правды. В качестве содержания искусства он признавал идею, а в качестве формы – чувственный образ [5, с. 333].

Конечно, в этом вопросе необходимо учесть диалектическую природу суждений Гегеля, который изложил весьма ценные мысли о познавательной природе эпоса. Затрагивая проблему отражения героического духа, вооруженного столкновения, межплеменных войн, он пишет: «Наиболее подходящей ситуацией для эпоса должен быть назван военный конфликт... подлинно эпическими являются лишь войны чужеземных наций друг против друга; между тем династическая борьба, туземные войны, гражданская смута больше подходят для драматического изображения» [6, с. 243, 245]. Эти мысли Аристотеля должны быть учтены в процессе изучения познавательной сущности героического эпоса [3, с. 82–86].

Многие мыслители прошлой эпохи не могли согласиться с формулой Гегеля «искусство ради искусства». Так, Н.Г. Чернышевский, занимая противоположную позицию, утверждал, что «прекрасное в действительности выше прекрасного в искусстве» [7, с. 273]. Это было проявлением научного познания, направленного на определение генезиса общественно-социальных явлений. Основным долг каждого поколения Г.Н. Чернышевский видел в изучении истории и искусства своего народа [8, с. 291]. Признавая художественное начало, он не случайно пишет, что «истинная, высочайшая красота есть именно красота,

встречаемая человеком в мире действительности, а не красота, создаваемая искусством» [9, с. 291].

Подобные суждения античных и средневековых мыслителей имеют прямое отношение к историко-познавательной сущности героического эпоса. Так, если поэтическое направление в фольклористике занималось изучением художественной системы эпоса, то Г.Н. Чернышевский считал, что научное познание приблизится к научной истине лишь тогда, когда будет рассматривать все признаки историко-художественных явлений [9, с. 458]. Когда речь идет об исторической и художественных формах истины утверждает, что «искусство всегда выступает как вторичное, первичным является действительность» [8, с. 279]. Таким образом, в познавательной сфере данной проблемы Н.Г. Чернышевский выступает приверженцем исторического направления.

Историко-познавательное начало составляет основное звено в научных трудах В.Г. Белинского. Еще в первой половине XIX века им был озвучен тезис о противоборстве философии с поэзией. Под «философией» ученый имел ввиду теорию познания. В.Г. Белинский считал, что наряду с научным познанием разницу между художественным вымыслом и обоснованным историческим суждением можно определить через эмпирическое сознание [10, с. 235–236].

Для В.Г. Белинского научная истина представляет познавательный объект. Мыслитель определяет несколько путей достижения этой истины: 1) конкретное понятие об истине; 2) искусство – конкретное проявление истины; 3) вершина мышления – чистая мысль [10, с. 243].

В итоге мы имеем дело с позициями Аристотеля, считавшего поэзию показателем художественного мышления, и В.Г. Белинского, утверждавшего, что наука и искусство не занимаются сочинением истины, а все берут из реалий жизни. Однако эти направления, охватывающие лишь основные признаки, не могут представлять собой полную версию исторических событий [10, с. 269].

Постигая философские суждения В.Г. Белинского, можно познать особенности, присущие каждому народу: «Субстанция есть то непреходимое и вечное в духе народа, которое само не изменяясь, выдерживает все изменения, целостно и невредимо проходит через все фазисы исторического развития. Это зерно, в котором заключается всякая возможность будущего развития» [10, с. 338]. Прочитанные строки имеют непосредственное отношение к историко-этническим, информативно-познавательным свойствам эпоса. Иначе говоря, героические сказания каждого народа, где находят отражение все его ментальные особенности, должны быть изучены в тесной связи с историей того же народа.

Своим утверждением, что история представляет собой плод национального сознания любого народа, В.Г. Белинский во главу познания ставит не художественное мышление, а историческое. «История сделалась теперь как бы общим основанием и единственным условием всякого живого знания: без нее стало невозможно постижение ни искусства, ни философии. Мало того: само искусство теперь сделалось по преимуществу историческим» [10, с. 375], – утверждает автор. Придерживаясь взгляда, будто основой искусства является жизненная правда, он пишет: «Давно ли эстетика шла своим особым путем, не спрашиваясь у истории, не соприкасаясь с нею» [10, с. 376], – этим самым утверждая тесную связь искусства с многовековой историей народа. Источники познания автор ищет в недрах истории: «Философия есть душа и смысл истории, а история есть живое, практическое проявление философии в событиях и фактах» [10, с. 377]. Такие жанры фольклора, как сказка, легенда, поэма (эпос), хроника, В.Г. Белинский познает в рамках истории, хотя относит их к разряду эмпирических материалов. Основная идея ученого сводится к мысли, что «историческое созерцание есть основа всякого знания, всякой истины» [10, с. 382].

Освещая философские учения Гегеля и других его современников, В.Г. Белинский выступает против установки «искусство ради искусства». В этой связи пишет: «По их

учению, жизнь должна идти своей дорогой, а искусство своею, не соприкасаясь друг с другом, не завися друг от друга и не имея никакого влияния друг на друга» [10, с. 462].

Позицию автора в научном противостоянии о первичности материи или идеи, истины или сознания, истории или художественного вымысла можно усмотреть в следующих словах: «Действительность... всегда предшествует сознанию потому, что прежде, нежели сознавать, надо иметь предмет для сознания. Вот почему естествознание, или учение о природе, явилось гораздо позже самой природы, грамматика – после языка, история – после пережитой народом жизни» [11, с. 231].

Мысли о соотношении научного познания с истиной мы находим в трудах А.И. Герцена. Относительно своих современников, не сумевших познать мелкие проблемы в рамках целостного явления, он пишет: «Он всех менее подозревает великую важность науки: он ее не знает из-за своего частного предмета, он свой предмет считает наукой... скоро поваренное искусство разовьется до того, что жарящий форели не будет уметь жарить карпа» [12, с. 54]. Его мысли о том, что для ученых пишут ученые, а для народной массы – просвещенные, также побуждает читателя к философским размышлениям. Своим изречением «Наука – живой организм, развивающий истину» Герцен лишней раз утверждает, что в основе научного познания лежит истина.

Что первично: материя или идея? Предмет или его описание? Художественно-поэтическая система или же историзм эпоса? Над этими научно-познавательными проблемами размышлял и Н.А. Добролюбов. В этом вопросе он придерживается следующей позиции: «Да ведь что же составляет материя мысли, как не познание внешних предметов? Возможно ли мысль без предмета: не будет ли она тогда чем-то непостижимым, лишенным всякой формы и содержания? Ведь защищать возможность такой беспредметной и бесформенной мысли решительно значит утверждать, что можно сделать что-нибудь из ничего» [13, с. 92]. Н.А. Добролюбов был против тезиса «литература заправляет историей», считал, что первично не сознание, а материя [14, с. 205].

Таким образом, основное отличие познавательной теории от художественного восприятия действительности заключается в том, что истину приближает к философии, а образное мышление – к логическому суждению. Они актуальны и по сей день, хотя подобные достижения теории познания мало учитываются при изучении познавательной сущности героического эпоса.

Что же касается фольклористики XX века, то она вместо разработки теоретических проблем эпосоведения больше оглядывалась на советскую идеологию. Политически мотивированные запреты на изучение того или иного образца героического эпоса, опора на мнимые содержательно-художественные элементы – сравнения, эпитеты, метафоры, лежащие на текстовой поверхности, которые могли меняться с каждым исполнением эпического произведения, отказ от научной практики исторического направления в фольклористике – вот основные преграды, которые не давали развернуться науке в познавательном направлении. Поскольку эти проблемы нами освещались в отдельных научных публикациях, обнародованных в зарубежной печати, повторяться не станем [15].

Полемические заметки

При изучении поэтики и историзма героического эпоса необходимо должное внимание уделять философским размышлениям о развитии общества, о формировании мировоззрения народа. Если все мыслители прошлого утверждали, что история первична, а вымысел вторичен, то этот научный постулат необходимо взять на вооружение при изучении героического эпоса.

В области эпосоведения у нас немало научных изысканий, однако не во всех трудах можно усмотреть продвижение мысли вперед. В лучшем случае это своеобразная трактовка художественной сферы героического эпоса. Не поднявшись на новую ступень научного-

познавательного процесса, сложно решить основную задачу философии, берущей свое начало из глубокой древности.

Несмотря на многослойный характер, героический эпос больше изучается в русле поэтики. Даже современные исследователи, рассматривающие на современном этапе развития фольклористики такие образцы казахского героического эпоса, как «Алпамыс батыр», «Ер Таргын», не углубляются далее художественно-поэтической структуры [16, с. 106–107]. Изучение познавательной сущности в тесной связи с его содержанием выдвигает перед исследователями весьма сложные задачи. На языке науки это можно трактовать как соответствие познавательной сущности эпоса научной истине.

При изучении эпического наследия различных народов фольклористика достигла значительных высот и выработала различные методологические подходы, ориентированные на художественную природу и историзм героического эпоса. Несмотря на это, ученые больше увлекаются отдельными свойствами фольклора, минуя при этом целостно-познавательную характеристику героического эпоса. Научные достижения мифологической и исторической школ, исторической поэтики и типологической теории – яркий тому пример. Эпосоведение в буквальном смысле замкнулось вокруг одних и тех же вопросов. Конечно, комплексное, системное изучение эпоса также опирается на поэтические закономерности. Однако в эпосоведении еще нет того научного синкретизма, способного осветить многослойный характер эпического произведения.

Настало время обратить внимание на иные познавательные сферы эпоса. Если основной вопрос философии заключается в отношении мышления к бытию, то теория познания занимается освещением вопросов о возможности постижения мира, определенных явлений и т.д. Если это связать с рассматриваемой тематикой, то суть проблемы будет заключаться в том, можно ли познать историко-познавательную сущность героического эпоса.

Достижения сравнительно-типологического исследования в фольклористике, опиравшегося в основном на художественно-поэтическую систему эпоса, общеизвестны. Между тем каждое эпическое сказание, содержащее редкие и ценные сведения познавательного характера, должно восприниматься в качестве источника для восстановления наиболее отдаленных страниц истории. Иной раз представители поэтического направления, ограничиваясь установками типологической теории, пытаются нащупать следы истории через художественную систему героического эпоса. Они не улавливают разницу между сюжетом эпоса и отраженными в нем историко-этническими сведениями, считая их слитыми воедино. Если отдельные мотивы и эпизоды представляют собой сюжетобразующие компоненты, то историческая ономастика (этнонимы, топонимы, антропонимы), отраженная в эпосе, является проявлением историко-этнического процесса, народной памяти. Причем этническая номенклатура в эпосе всегда имеет устойчивый характер, а художественной сфере, включающей эпитеты, метафоры и т.д., свойственна изменчивость.

Научные дебаты вокруг исторического и поэтического изучения эпоса не прекращаются, поскольку героический эпос не был изучен комплексно, в единстве всех познавательных компонентов. Однако эту проблему, в трактовке отдельных исследователей, нельзя понимать как целостность художественно-поэтической системы. Художественная сфера представляет собой часть эпического сказания. Тогда как одна сторона вопроса, как известно, не ведет к абсолютной истине. Вычлняя возможности научного познания, А.И. Ракитов убедительно сравнивает эти два направления и приходит к заключению, что познавательные сведения нельзя искать в художественной сфере [17, с. 23–24].

Эпос – явление этносоциальное. Опираясь на суждение «те области знания, из коих должна сложиться теория познания, – это история философии <...> история познания вообще» [1, с. 9–10], несложно понять, что познавательные возможности эпоса нельзя ограничивать одной литературно-художественной сферой. Этот вопрос целесообразнее

осветить с позиции этнографии и фольклористики. При определении конечной цели науки необходимо опираться на познавательные категории философии. Именно это направление определяет отношение научной истины к историко-этническому процессу, жизненным реалиям. Изучая героический эпос в рамках типологической теории и на этой почве делая умозаключения относительно историзма эпоса, сложно рассматривать как дальнейшее продвижение научной мысли, своеобразную обработку эпического материала. Поскольку этот путь не ведет к истине, то и теоретические основы будут выглядеть бледными. Суждения об историзме героического эпоса с позиции поэтики, выход за рамки методологических установок типологической теории – признак подмены исторического метода познания художественным. В действительности они представляют собой две стадии теории познания: историческую и художественную.

В этой связи вспоминаются мысли Л.И. Емельянова относительно методологических возможностей историко-типологического метода исследования. Все еще не утратили силу его суждения о пригодности этого метода для изучения «синтаксиса», но никак не для анализа «лексики» эпоса.

В этом вопросе Л.И. Емельянов не одинок. Схожие мысли мы обнаруживаем в словах К. Пирсона: «Мы похожи на телефониста из центральной станции, который не может подойти к абонентам ближе, чем обращенный к нему конец телефонного провода... Такой телефонист никогда не в состоянии был бы составить себе непосредственное впечатление об этом «действительном» мире вне его; действительный мир сводился бы для него к совокупности конструкторов, созданных им на основании полученных по проводам сообщений» [18, с. 83].

Эти суждения касаются тех, кто, изучая типологическую структуру эпоса, рассуждает об историзме. Определенное научное разрешение этого вопроса мы находим у казахского фольклориста С. Каскабасова: «Устное народное творчество, взятое в синхронном разрезе, без учета его исторического развития, предстает перед нами как поэтическое выражение народных представлений о жизни, природе, об истории, обществе и т.п. <...> Однако несколько ясную картину можно увидеть, если фольклор рассматривать в историческом развитии. Диахронно-стадиальное изучение фольклора рассказывает, что <...> фольклор характеризовался архаичностью и определенная ее часть служила <...> руководством для познания мира, жизни и истории рода или племени» [19, с. 16–17].

В этом вопросе можно принять следующую позицию Ш. Ибраева: «Основу эпоса составляет истина. Особенно это касается той среды, которая породила наименования народной ономастики и само эпическое сказание» [20, с. 124]. Далее автор утверждает, что казахский эпос «никогда не гонялся за реальными историческими событиями, конкретными топонимами и этнонимами» [20, с. 127]. Конечно, тут есть над чем призадуматься, поразмышлять. Поскольку именно здесь всплывает тот самый роковой вопрос: в чем суть, главная ценность героического эпоса?

Эпос – явление синкретическое. Именно поэтому основную цель фольклористики нельзя ограничивать изучением лишь литературно-художественных особенностей героического эпоса. В таком случае как быть с явлениями этнографического порядка? В некоторой степени мы солидарны с мнением, что «необходимо исследовать историзм эпоса, однако это не историзм жанра, а история общества. Такая работа ставит и решает иные проблемы» [20, с. 124].

В принципе такая установка нас устроила бы, однако ближе к концу работы автор приходит к иному заключению. Общеизвестно, что конечная цель научного познания – истина. А истина, как мы знаем, тоже одна. Следовательно познавательную сущность героического эпоса нельзя делить на художественно-поэтическую и историко-этническую. На этой почве отдельные фольклористы считают, что изучение этнических сведений в эпосе – прерогатива исторической науки [20, с. 183]. А профессиональные историки, имеющие дело только

с конкретными фактами и письменными источниками, утверждают обратное. По этой причине историзм героического эпоса продолжал восприниматься как промежуточное явление.

Как бы там ни было, ясно одно: конечная познавательная инстанция эпосоведения не может ограничиваться изучением поэтики и истории жанра. Всякое фольклорное произведение, включая героический эпос, должно служить интересам народа. А методологические основы изучения героического эпоса могут быть использованы представителями различных стран и культур. Здесь налицо отчужденность представителей поэтического направления, пристрастившихся к изучению литературно-жанрового своеобразия фольклора, от проблем этнической истории, отраженной в героическом эпосе. Эта та самая поэтическая линия, которая берет свое начало из научной установки В.Я. Проппа, озвученной еще на рубеже 1960-х гг. С той поры, когда советская идеология запрещала изучать и разрабатывать историзм героического эпоса, художественное изучение былин прошло несколько этапов развития от сравнительного до историко-типологического. Однако подняться до уровня научной истины не удалось.

Очевидно, что вышеизложенная позиция возникает вследствие деления научной истины на историческую и художественную. Между тем никто из античных, средневековых и позднейших мыслителей не производил подобное деление. Принцип историзма они всегда ставили выше художественной системы – поэтики. Несмотря на это, отдельные авторы, освещая художественно-поэтическую систему фольклора, ограничивают возможности исторического изучения эпоса. Такое направление в фольклористике можно назвать проявлением агностицизма [1, с. 25].

Теории познания известны две стадии научной истины: промежуточная и абсолютная. Если художественная сфера эпоса относится к первой стадии, то настало время понять, что с колокольни поэтического изучения героического эпоса подняться до методологического уровня абсолютной истины невозможно. Это и есть проявление того агностицизма, который имеет место в фольклористике.

Приверженцы поэтического направления, ограничивающие познавательные возможности эпоса, не пытаются отвечать на вопрос: почему непостижимы исторические, тем более этнические сведения в эпосе? При этом они против исторического изучения эпоса вообще. Конечно, подобные вопросы могли не возникать, если историко-типологический метод был способен познать героический эпос на уровне абсолютной истины. Проблема в том, что находясь на ступени относительной истины, отдельные представители типологической теории претендуют на абсолютную.

В этой связи не будет лишним напомнить нашим оппонентам, что в теории познания нет каких-либо ограничений методологического порядка. Все гуманитарные науки, изучающие героический эпос в качестве эмпирического источника, будь то фольклористика, этническая история, этнология или этнография, должны стремиться к абсолютной истине. Под этим термином понимается знание, результаты которого невозможно опровергнуть. Иными словами «абсолютная истина – это полное, исчерпывающее знание о предмете» [1, с. 42].

Отсюда можно заключить, что отдельные исследователи художественно-поэтической природы героического эпоса говорят о невозможности изучения исторических сведений в героическом эпосе не потому, что это действительно так, а потому, что опираются на иные ступени теории познания, иные методологические принципы, которые представляют собой неполное знание об изучаемом объекте, т.е. относительную истину. Здесь налицо неисторическая ориентация фольклористов.

Можно подытожить, что изучение героического эпоса в историко-познавательном аспекте ведет к абсолютной, а типологическое – к относительной истине. Первое направление охватывает все познавательные сферы героического эпоса, второе – только художественно-поэтические закономерности. Если мы будем определять границы науки

таким образом, тогда должны будем признать, что история первична, а фольклористика вторична.

Между тем надо сказать, что относительная истина также представляет собой истину, где нет места заблуждениям и лживым умозаключениям. При изучении героического эпоса абсолютная истина может быть достигнута с использованием методологических достижений всех вышеотмеченных научных направлений. Следовательно, поэтическое или историко-типологическое изучение эпоса не может претендовать на истину в последней инстанции. Вот в чем заключается, если можно сказать, «недостаток» односторонне поэтического изучения эпоса.

Чтобы эпосоведение шагнуло вперед, этот вопрос должен быть проработан на основе познавательной теории с последующим определением механизма преодоления прежних консервативных подходов. Многочисленные суждения о поэтике, односторонние изыскания и оценки, данные по сей день героическому эпосу не имеют прямого отношения к абсолютной научной истине. В этом вопросе, наряду с методологическими достижениями фольклористики, исследователи должны опираться на постулаты теории познания. Время узкой специализации в науке прошло; в исследованиях зарубежных ученых, например, приоритетное место отводится мультимедийному направлению, комплексным изысканиям.

Философский узел многолетних научных дебатов между представителями поэтического и исторического направлений сводится к противостоянию позиций теории познания и агностицизма. Мнения о невозможности сопоставления эпической топонимики на географической карте, восстановления пути-дороги главного героя на исторической карте – есть проявление агностицизма [20, с. 124]. Суть этой проблемы опять же сводится к познавательному значению героического эпоса. Что важнее: литературно-художественное начало, музыкально-поэтическая структура или же осколки историко-этнических сведений? В таком единстве всех компонентов героический эпос еще не изучался. Возникшие противостояния между различными направлениями изучения эпоса определяют дальнейшее развитие теоретической мысли.

Мы уже сказали, что, несмотря на доминирование поэтического направления в фольклористике, научная практика исторической школы XIX века, отраженная в трудах В. Миллера, не ушла в забвение. Однако в советский период многие исследователи в качестве доминирующего метода изучения героического эпоса признавали историческую поэтику и сравнительно-типологический метод. Естественно, в условиях политической цензуры, когда на основе постановлений партийных органов запрещалось пропагандировать героические сказания различных народов, многие ученые отошли от практики исторической школы. И тем не менее некоторым все же удавалось осветить проблемы историзма эпоса на научно-теоретическом уровне, о чем мы писали ранее [21]. Об этом также свидетельствует работа С.И. Дмитриевой «Географическое распространение русских былин» [22], где представлено историческое изучение эпоса на новом познавательном уровне. После так называемого «рыбаковского» периода, решительно отвергавшего методологию поэтического изучения эпоса в момент его зачатия, в 1970–1980-е гг. были изданы многочисленные труды, в которых разрабатывались принципы исторического изучения былин.

Несмотря на более полувековой опыт исследования исторических сведений в героическом эпосе, воз исторической фольклористики и ныне там. Отдельные исследователи, застывшие на уровне поэтического изучения фольклора, далее подсчета количества мотивов в героическом эпосе не идут. В лучшем случае прибегают к теории циклизации, при этом выдавая исторические формы иерархического управления на Востоке за фольклорный процесс (шах+шах+шахиншах).

Эпосоведение – явление не консервативное, застывшее на уровне познавательной теории 1960-х и 1970-х гг. Историзм и этнический характер героического эпоса нельзя рассматривать вне науки о фольклоре, которая не стоит на одном месте, тем более на одном

методологическом уровне. Познавательные возможности героического эпоса должны изучаться в процессе развития теории фольклора.

Иногда приходится сожалеть, что в одно время приходилось иметь дело с доминированием авторитарного подхода над научной теорией. Опасность подобного подхода заключается в том, что он огульно не признает иные методы изучения эмпирического материала, кроме поэтического и литературно-художественного. В условиях современного развития науки героический эпос не может оцениваться исходя из установок порочных партийных постановлений прошлого. Нельзя выдавать за последнее слово науки «окрики» отдельных руководителей научных учреждений, которые, к сожалению, имели место в истории фольклористики. Все научные споры должны решаться на методологическом уровне, опираясь на постулаты теории познания. Это единственный путь в науке, который ведет к абсолютной истине.

Для историко-этнического изучения фольклора, как некоторые пытаются усложнить эту проблему, нет надобности следовать календарным действиям главного героя эпоса. Мало того, это тот самый путь, который ведет исследователей к заблуждению. Каждое исследование, стремящееся к абсолютной истине, должно считаться с проявлениями этнического процесса и этногеографического движения в эпосе. В этом вопросе мы не солидарны с позицией, ограничивающей возможность создания историко-географической карты на основе сюжетной канвы героического эпоса. В этой связи вспоминаются меткие слова Р.Ю. Виппера о существовании исторических фактов для одного глаза и их отсутствии – для другого [23, с. 32]. Вопрос упирается в историческое знание исследователя.

Как известно, героический эпос функционирует в рамках эпической традиции, которая веками впитывает историко-этническое знание народа. Поэтому в его содержании очень много познавательных материалов и сведений, которые должны быть изучены с позиции теории познания. Время, когда все это поверхностно оценивалось как вымысел, фантазия, личный вклад эпических сказителей, уже позади. Вот что пишет В.П. Аникин о возможностях фольклорной традиции: «Глубина проникновения в прошлое всецело зависит от характера самой традиции; если она идет со времен возникновения эпоса, исследователь получает возможность заглянуть в столь же отдаленные времена» [24, с. 31]. Вот в чем суть вопроса. Мы полностью солидарны с автором, изложившим свое видение проблемы соразмерно историко-этнографическому процессу.

Основную цель теории познания составляет абсолютная истина. В данном случае одна сторона вопроса связана с методами постижения истины, другая – с формами существования. Если к первой относятся теория и практика, индивидуальные и общие научные формы, ко второй – научный факт, гипотеза и, собственно, теория. С учетом вышеизложенного сложно воспринимать сравнительно-типологический метод, в целом поэтическую систему, изучающую героический эпос на уровне жанра, сюжета и мотива, в качестве научной истины.

Если так, то что из себя представляет научная истина? Каковы ее основные признаки? Это тот самый вопрос, на который не обращали должного внимания эпосоведы разных времен. Конечно, на то были свои причины. А наиболее главным можно назвать неразработанность в фольклористике научных положений теории познания.

Для того, чтобы ответить на вышеизложенные вопросы, необходимо определиться с понятием «научная истина». По определению Э.М. Чудинова, самой древней концепцией, сформулированной в этой связи, является соответствие знания и познания истине [25, с. 11]. В.Ф. Кузьмин добавляет сюда наличие объективных и субъективных признаков [26].

В данном случае надо признать, что поэтическое изучение эпоса ведет к познавательному процессу. Однако дозированно воспринимая жизненно-общественные реалии, отраженные в эпосе через деяния героя и племени, оно не переходит на историко-

познавательную ступень познания. Именно этот недостаток историко-типологической теории был подмечен Л.И. Емельяновым на рубеже 70-х гг. прошлого столетия.

Поэтическая система – направление, говоря на языке ее ярких представителей, рассматривающее данную проблему на уровне историзма фольклорного жанра. Она не может вникнуть в проблему генезиса и потому находится вдали от конечной цели. При определении отношения к истине различных течений и направлений в фольклористике необходимо брать во внимание содержание объекта. Если мы говорим, что в эпосе прослеживаются художественные и исторические формы научной истины, то приходится к сложным умозаключениям лишь на основе одной художественной сферы преждевременно. В этом вопросе нельзя путать понятие о системности, которую в одном случае порождает поэтика, в другом – историческое познание.

Если изначально ставить цель о поэтическом освоении эпоса с последующим вычлениением художественных особенностей, тогда очень пригодятся литературно-фольклорные нормы, используемые представителями поэтического направления. Но это направление, как мы отметили, ведет только к относительной истине. Поэтому при изучении эпического сказания в качестве историко-этнического источника с погружением в ономастическую номенклатуру эти нормы, естественно, окажутся непригодными. Ибо абсолютная истина в данном случае определяется целью, охватом исторической истины и полноценностью научного познания.

Отсюда возникает вопрос о конкретности истины. В теории познания этот вопрос определен следующим образом: «Конкретность истины – это зависимость знания от связей и взаимодействий, присущих тем или иным явлениям, от условий, места и времени, в которых они существуют и развиваются» [1, с. 36]. Действительно, истина всегда конкретна. Если существуют научные, художественные и обыденные формы истины, то чем они отличаются один от другого?

Скажем, «Кобыланды» в казахском фольклоре образец героического эпоса. В этом значении он представляет собой художественную (жанровую) истину. Для того чтобы эпос «Кобыланды» признать на уровне научной истины, необходимо будет учесть отраженные в нем межплеменные интриги между этническими кипчаками и кызылбасами, по сей день не изученные события ногайлинского периода, особенности семи- и восьмисложного стихотворного размера, музыкальный напев в стиле речитатива и др. Указанные сферы в одном случае представляют собой простое наблюдение, в другом – историко-этническое, в третьем – музыкально-поэтическое познание.

Эти сведения вновь подводят нас к мысли, что в эпосе функционируют две разновидности истины: художественная и историко-этническая. Таким образом, лишь совокупность научной истины в ее историческом и художественном проявлении может оцениваться как целостная научная истина.

Есть еще одна особенность разграничения историко-этнической основы эпоса и его художественной сферы. Первое из них говорит о том, что фольклор анонимно распространяется на основе народной памяти в качестве эмпирического материала, второе определяет роль индивида-сказителя и влияние художественной традиции в целом. При таком раскладе мысли, пусть даже косвенно, не будет ли это признанием сказителя в качестве автора исполняемого произведения? Ведь исторические события в эпосе представляют собой эмпирический, а поэтика – художественный материал.

Вопрос об особенностях научной и художественной истины не вызывает сомнения. Вот что пишет по этому поводу В.И. Свинцов: «Весьма возможно, что она как бы перемещена из поверхностного в более глубокие слои. И хотя установить связь “глубины” с “поверхностью” не всегда легко, ясно, что она должна существовать» [27, с. 57]. Эти слова помогают уловить разницу между поэтикой и этническим процессом, отраженным в эпосе.

В казахской фольклористике имеются и другие проявления агностицизма. Например, отдельные авторы, относящие эпическое сказание о Коркуте к VIII веку [28, с. 582], призывают своих коллег принять эту дату. С позиции теории познания такой шаг никак не может быть расценен как научное решение проблемы. Это проявление конвенционизма – другой ветви агностицизма. Суть этой проблемы заключается в том, что «научные теории и понятия являются не отражением объективного мира, а продуктом соглашения между учеными» [1, с. 23].

Заключение

Подводя итоги, можно заключить, что художественно-поэтические закономерности героического эпоса не могут быть восприняты в качестве абсолютной научной истины, которая представляет собой исчерпывающую информацию о познавательной природе героического эпоса. Что же касается поэтики эпоса, то она в лучшем случае может претендовать на относительную истину. В этом и заключается проявление агностицизма, игнорирующего познавательные возможности героического эпоса.

Героический эпос – явление эмпирическое. Его познавательный характер остро нуждается в компетентных исследователях. Конечная познавательная цель, на наш взгляд, должна сводиться к определению отношения историко-этнических сведений, отраженных в эпосе, к этногенезу казахского народа.

Общеизвестно, что любая научная теория, любые научные школы и направления опираются на познавательные категории философии. При этом надо учесть, что философия, в первую очередь, направлена на познание общества и общественных отношений. Поэтому нельзя расчленять и ограничивать его познавательные возможности. Задачи фольклористики, истории и этнографии одни: познание истории, общества и индивида.

Материя первична, утверждали античные ученые. Мы же твердим, что первичным в героическом эпосе является историко-этнический фон, впитавший в себя многочисленные познавательные сведения в их художественном преломлении.

Идея вторична, утверждали мыслители последующих эпох. Мы так же солидарны, поскольку художественная природа героического эпоса представляет собой пласт верхнего порядка. Первое направление имеет постоянный, а второе – изменчивый характер. Соответственно, в первом случае представлена абсолютная, в другом – относительная истина.

Материя – базис, представляющий собой историко-познавательный фон, идея – надстройка, художественно-поэтическая система героического эпоса. На познавательном уровне исследования историко-этнического характера и художественно-поэтической системы эпоса должны опираться на эти постулаты теории познания. Изучение сюжетной канвы, изложение содержания, поиск сходств на уровне мотива, сюжета – далеки от исторического восприятия героического эпоса. Подобное изучение фольклора в лучшем случае может внести коррективы в сведения об исторических этапах становления художественного мышления народа, но никак не проливает свет на исторический характер, тем более на этнические основы героического эпоса. Этого не позволяют познавательные возможности выбранной научной методологии, которые не могут быть признаны в качестве абсолютной истины.

Фольклор – явление эмпирическое, отражающее особенности историко-художественного мышления народа. Фольклористика – явление познавательное, ведущее к абсолютной истине. При изучении героического эпоса казахского народа мы должны больше опираться на эти научные постулаты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев П.В., Панин А.В. Теория познания и диалектика. – М.: Высшая школа, 1991. – 383 с.
2. Пропп В.Я. Русский героический эпос, 2-е изд. – М.: Гослитиздат, 1958. – 603 с.
3. Аристотель. Поэтика. Об искусстве поэзии. – М.: Госиздат художественной литературы, 1957. – 182 с.
4. Былины / Вст. статья, подг. текста и примеч. Б.Н. Путилова. – Л., 1957. – Т.1. – 268 с.
5. Философская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1960. – Т.1. – 504 с.
6. Гегель. Сочинения. Т. ХУІ. Лекции по эстетике. Кн. 3. – М.: Наука, 1958. – 440 с.
7. Розенталь М. Философские взгляды Н.Г. Чернышевского. – М.: ОГИЗ, 1947. – 312 с.
8. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. – Т. 1. – М.: ОГИЗ, 1939. – 884 с.
9. Чернышевский Н.Г. Избранные философские сочинения. – М.: Соцэкгиз, 1938. – 621 с.
10. Белинский В.Г. Избранные философские сочинения. – М.: ОГИЗ, 1948. – Т.1. – 641 с.
11. Плеханов Г.В. Соч. Т. X. – М.-Л.: Госиздат, 1925. – 422 с.
12. Герцен А.И. Избранные философские сочинения. – М.: ОГИЗ, 1948. – Т.1. – 370 с.
13. Добролюбов Н.А. Избранные философские сочинения. – М.: ОГИЗ, 1948. – Т.1. – 582 с.
14. Добролюбов Н.А. Соч. Т. 1. – М.: ОГИЗ, 1934. – 568 с.
15. Kongyratbay T., Kongyratbay K. Hermeneutical aspects of Kazakh heroic epic study // Middle East Journal of Scientific Research (MEJSR) 18 (9), 2013. – P. 1330–1334.
16. Сөйлемез О., Алиева А. Образцы героя, женщины и коня в казахском эпосе // Ясауи университетінің хабаршысы. – 2020. – №2 (116). – Б. 103–112.
17. Ракитов А.И. Философские проблемы науки. Системный подход. – М.: Мысль, 1977. – 270 с.
18. Пирсон К. Грамматика науки. – СПб., 1911. – 284 с.
19. Каскабасов С. Казахская сказочная проза. – Алма-Ата: Наука, 1990. – 240 с.
20. Ибраев Ш. Мир эпоса. – Алматы: Наука, 1993. – 296 с.
21. Кобыратбай Т.А. К методологии изучения этнического характера героического эпоса (историографические аспекты) // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Серия «Эпосоведение». – №1 (17) 2020. – С. 5–22.
22. Дмитриева С.И. Географическое распространение русских былин. – М.: Наука, 1975. – 112 с.
23. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции и другие очерки. Сб. статей 1900–1912. – М., 1912. – 216 с.
24. Аникин В.П. Теория фольклорной традиций и ее значение для исторического изучения былин. – М.: Изд. МГУ, 1980. – 331 с.
25. Чудинов Э.М. Природа научной истины. – М.: Политиздат, 1977. – 312 с.
26. Кузьмин В.Ф. Объективное и субъективное (анализ процесса познания). – М.: Наука, 1976. – 217 с.
27. Свинцов В.И. К вопросу о соотношении понятий «истина» и «художественная правда» // Философские науки, 1984, №4. – С. 55–62.
28. Коркыт ата. Энциклопедический сборник. – Алматы: Казахская энциклопедия, 1999. – 798 с.

REFERENCES

1. Alekseev P.V., Panin A.V. Teoriya poznanija i dialektika. – M.: Vysshaja shkola, 1991. – 383 s. [in Russian].
2. Propp V.Ia. Rýsskij geroicheskij epos, 2-e izd. – M.: Goslitizdat, 1958. – 603 s. [in Russian].
3. Aristotel. Poetika. Ob iskýsstve poezii. – M.: Gosizdat hýdojestvennoj literatýry, 1957. – 182 s. [in Russian].

4. Byliny / Vst. statia, podg. teksta i primech. B.N. Pýtilova. – L., 1957. – T.1. – 268 s. [in Russian].
5. Filosofskaya entsiklopediya. – M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1960. – T.1. – 504 s. [in Russian].
6. Gegel. Sochineniya. T. XVI. Lektsii po estetike. Kn. 3. – M.: Nayka, 1958. – 440 s. [in Russian].
7. Rozental M. Filosofskie vzgliady N.G. Chernyshevskogo. – M.: OGIZ, 1947. – 312 s. [in Russian].
8. Chernyshevskii N.G. Polnoe sobranie sochinenii. – T.1. – M.: OGIZ, 1939. – 884 s. [in Russian].
9. Chernyshevskii N.G. Izbrannye filosofskie sochineniya. – M.: Sotsekgiz, 1938. – 621 s. [in Russian].
10. Belinskii V.G. Izbrannye filosofskie sochineniya. – M.: OGIZ, 1948. – T.1. – 641 s. [in Russian].
11. Plehanov G.V. Soch. T. H. – M.-L.: Gosizdat, 1925. – 422 s. [in Russian].
12. Gertsen A.I. Izbrannye filosofskie sochineniya. – M.: OGIZ, 1948. – T.1. – 370 s. [in Russian].
13. Dobrolýbov N.A. Izbrannye filosofskie sochineniya. – M.: OGIZ, 1948. – T.1. – 582 s. [in Russian].
14. Dobrolýbov N.A. Soch. T.1. – M.: OGIZ, 1934. – 568 s. [in Russian].
15. Kongyratbay T., Kongyratbay K. Hermeneutical aspects of Kazakh heroic epic study // Middle East Journal of Scientific Research (MEJSR) 18 (9), 2013. – P. 1330–1334.
16. Sóilemez O., Alieva A. Obraztsy geroya, jennyy i konia v kazahskom epose // Iasaýı ýniversitetiniń habarshysy. – 2020. – №2 (116). – B. 103–112. [in Russian].
17. Rakítov A.I. Filosofskie problemy naýkı. Sistemnyı podhod. – M.: Mysl, 1977. – 270 s. [in Russian].
18. Pýson K. Grammatika naýkı. – SPb., 1911. – 284 s. [in Russian].
19. Kaskabasov S. Kazahskaya neskazochnaya proza. – Alma-Ata: Nayka, 1990. – 240 s. [in Russian].
20. Ibraev Sh. Mir eposa. – Almaty: Nayka, 1993. – 296 s. [in Russian].
21. Konyratbai T.A. K metodologii izýcheniya etnicheskogo haraktera geroicheskogo eposa (istoriograficheskie aspekty) // Vestnik Severo-Vostochnogo federalnogo ýniversiteta imeni M.K. Ammosova. Seriya «Eposovedeniye». – №1 (17) 2020. – S. 5–22. [in Russian].
22. Dmitrieva S.I. Geograficheskoe rasprostraneniye rýsskih bylin. – M.: Nayka, 1975. – 112 s. [in Russian].
23. Vipper R.Íy. Dve intelligentsii i drýgie ocherki. Sb. statei 1900–1912. – M., 1912. – 216 s. [in Russian].
24. Anıkın V.P. Teoriya folklornoı traditsii i ee znachenie dlia istoricheskogo izýcheniya bylin. – M.: Izd. MGÝ, 1980. – 331 s. [in Russian].
25. Chýdinov E.M. Priroda naýchnoi istiny. – M.: Politizdat, 1977. – 312 s. [in Russian].
26. Kýzmin V.F. Obektivnoe i sýbektivnoe (analiz protsessa poznaniya). – M.: Nayka, 1976. – 217 s. [in Russian].
27. Svintsov V.I. K voprosý o sootnoshenii poniatii «istina» i «hýdojestvennaya pravda» // Filosofskie naýkı, 1984, №4. – S. 55–62. [in Russian].
28. Korkyt ata. Entsiklopedicheskii sbornik. – Almaty: Kazahskaya entsiklopediya, 1999. – 798 s. [in Russian].